

ное и смѣшное, затрагивая одновременно самыя различныя струны, Толстой и въ „Хаджи-Муратъ“ столь же властно играетъ на нашей покоренной и покорной ему душѣ, какъ и въ прежнемъ своемъ творествѣ. И она отзывается старому чародѣю и звучить глубокой человѣческой музыкой. Великія волненія зарождаются въ ней, потому что, какъ всегда, одной чертою, однимъ мановеніемъ творить онъ живые міры, и читать ли его, читать ли жизнь, это — одно и то же. Всѣ его герои призваны къ бытію, и всѣ они нужны, — не обойдешься ни безъ кого изъ нихъ. И кровожадный рыжій Гамзало, тѣлохранитель Мурата, и даже этотъ флигель-адъютантъ, про котораго намъ извѣстно почти только то, что онъ былъ плавный человѣкъ, выступавшій такъ мягко и плавно, что „полный стаканъ воды, поставленный ему на голову, не пролился бы“, и Марья Дмитріевна съ веснушками, — всѣ они неизбежно входятъ въ общую ткань одинаково и разказа, и самой жизни. Мелькомъ, но съ тою же внутренней необходимостью, намѣчена зародившаяся любовь Марьи Дмитріевны къ Хаджи-Мурату и то, что испытала она, какъ задумалась, когда увидѣла его отрубленную „живорѣзами“ голову. Для безсмертія, для вѣчнаго присутствія въ благодарномъ сознаніи читающаго человѣчества, спасень, чарами искусства, даже этотъ безымянный казакъ, который, кладя въ мѣшокъ отсѣченную голову Мурата, съ тонкимъ жестомъ человѣчности постарался такъ опустить мѣ-